

УДК 821.161.1-3.09(045)

*М.П. Абашева, М.В. Куриленко***МОТИВ ГРЕХА В ПРОЗЕ ЮРИЯ БУЙДЫ (РОМАН «ГОРОД ПАЛАЧЕЙ»)**

В статье рассматривается мотив греха как смыслообразующий элемент текстов современного прозаика Юрия Буйды. Этот мотив определяет характер топосов и художественный мир в его прозе. Материалом исследования стал роман «Город Палачей» (2003), где мотив раскрывается на сюжетном уровне. В соответствии с принципами анализа мотива, предложенными И. В. Силантьевым, в статье рассмотрены фабульное окружение мотива, актанты, пространственно-временные элементы, тематико-смысловые комплексы, а также вероятные инварианты мотива. Прослеживается связь с концептами смерти, пожара, братьев-палачей и самозванства. Анализ приводит к выводу о том, что мотив греха на смысловом и сюжетном уровнях объединяет романы «Город Палачей», «Синяя кровь» (2011), «Борис и Глеб» (1997), то есть становится их циклообразующей основой. При этом природа циклизации текстов Юрия Буйды тесно связана с мифопоэтикой.

Ключевые слова: Мотив, грех, циклизация, современная русская проза, Юрий Буйда.

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-4-889-895

Тема греха присутствует едва ли не во всех произведениях Юрия Буйды: «Борис и Глеб» (1997), «Домзак» (2003), «Третье сердце» (2008), «Сады Виверны» (2021) и др. Особенно часто этот мотив связан с мотивом основания города и в такой комбинации определяет хронотоп текста в целом, то есть формирует смысловую перспективу художественного мира писателя.

Наиболее явственно это проявляется в романе «Город Палачей» (2003): город представляется поведователем «скоплением пыльных одноэтажных домиков, где издревле селились палачи и их потомки» [5, № 2, с. 25]. Этот мотив устойчиво повторяется и в других произведениях писателя. В романе «Борис и Глеб»: Борис, убивший своего брата, «поселился на берегу Черного озера, построив дом из обломков храма, который из поколения в поколение возводили и разрушали его предки» [1, № 1, с. 10]. Мотив греха, лежащего в основании города, определяет семантику пространства в произведениях Юрия Буйды, а также характеры героев и иные особенности поэтики. Поэтому цель настоящей работы состоит в том, чтобы реконструировать частотный для мировой культуры мотив в прозе писателя, определить его семантику, синтактику и прагматику.

Вслед за И.В. Силантьевым, предложившим не только наиболее полное понимание мотива в литературоведении, основанное на трудах предшественников (Б.М. Гаспарова, А.К. Жолковского, Е.М. Мелетинского, В.И. Тюпы), но и последовательную схему анализа мотива, мы предлагаем проанализировать мотив *греха в основании города*, учитывая «все аспекты его семиотической природы: семантический (предикат, актанты, пространственно-временные признаки мотива), синтаксический (препозиционные и постпозиционные событийные контексты мотива) и прагматический (сюжетные смыслы и интенции мотива)» [17, с. 264].

Прозе Юрия Буйды (и, вероятно, самому автору) ближе религиозная трактовка понятия «грех»¹. Поэтому под грехом мы будем понимать сложившийся в русской культуре концепт: нарушение заповеди Бога, «источник духовного повреждения человека, отпадения от праведной жизни, от Бога» [11, с. 118].

Исследователи прозы Ю. Буйды Р.Р. Ахметов, М.А. Болгова, М.В. Гаврилова, О.В. Дедюхина, М. Дмитриевская, Н.Э. Мурзич, Т.Г. Прохорова уже изучали символы греха, тему (или концепт) греха в его прозе. При этом анализ сосредоточен на греховности / грехопадении / искуплении героев. Однако в работе О.А. Колмаковой встречаем интересующую нас связь греха и пространства. Она считает, что в романе «Вор, шпион и убийца» (2012) «грех изображается как качественная характеристика современного мира, символом которого стал Град Земной, противопоставленный светлomu и гармоничному началу – Граду Небесному» [13, с. 166].

Необходимо заметить, что мотив греховности земного града сформировался у Буйды гораздо раньше, чем в романе «Вор, шпион и убийца». В романе «Борис и Глеб» (1997) этот мотив явился фабулообразующим. Действие романа разворачивается в Осорьине, городке, «основанном в 1003 году для

¹ В телешоу «Фигура речи» автор сказал: «я человек верующий». (Фигура речи. Писатель Юрий Буйда / ОТР. 16 апреля 2018 года // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7C0dGTznsY4>).

охраны восточных границ Владимиро-Суздальского княжества» [1, № 1, с. 21]. В романе описывается «чередa насильственных смертей, начавшаяся с убийства Бориса Ростовского и Глеба Муромского, совершенного предками Осорьиных» [1, № 1, с. 12], что послужило основанием для проклятий рода Осорьиных и города Осорьина.

В романе «Город Палачей» (2003) даже в самом заголовке, а также в фабуле, содержится интересный нас мотив – грех, лежащий в основании города. Город основывает «грешник» – палач, убийца «Ян Босх, сын Питера и внук Иеронима ван Акена <...> Его еще называли Иеронимусом Босхом» [5, № 2, с. 26]. В имени, таким образом, звучит и «Бог», и «Босх». Имя Босха здесь чрезвычайно значимо: именно образы Босха нередко «кодируют» и образность романа Буйды. Исследователи живописи И. Босха отмечают, что художник демонстрирует «греховную природу человека», развивает «художественные образы экзальтации, извращения и глупости. При этом в “Саду земных наслаждений” Босх показывает порок столь соблазнительно и детально, что непроизвольно закрадывается мысль о латентном смаковании изображения порицаемого им греха» [14, с. 430] Буйда нередко демонстрирует такую эстетику в изображении людских грехов и пороков, безобразного и пугающего, в нарушении границ между реальным и вымышленным мирами.

Очевидно, что инвариантом греховного города в названных текстах Буйды является образ Вавилона, которому В.Н. Топоров предлагает определение «город-блудница», противопоставленный городу-деве, этот город «сам не блюдет своей крепости и целостности, идет навстречу своему падению, ища кому бы отдался» [19, с. 128]. Такая символика, однако, по мнению исследователей, присуща городу как таковому изначально. Британский историк Бен Уилсон, исследуя город как новую форму цивилизации, отмечает: «если же верить Ветхому Завету, то город родился из греха и непокорности. Изгнанный в дикое место после убийства брата Каин, рассказывают, возвел первый город и назвал его Енох (в честь сына), как убежище, чтобы скрыться от божественного проклятия» [21]. Е.М. Мелетинский также отмечает, что Каин, старший сын Адама, построил город и назвал его в честь своего старшего сына – Енох. Считается, что тот город стал толчком к появлению цивилизации, город стал «новой формой жизни» [15, с. 208]. Этот факт в мировой культуре – основание города из греха, непокорности – можем считать инвариантом мотива «город на грехе».

Рассмотрим фигуры актантов, связанных с мотивом. Убийства и преступления, шокирующие городские традиции и ритуалы, были заложены, поддерживались, творились руками основателей, братьев-палачей: на этих землях «со времен царя Алексея <...> находили пристанище отставные палачи, селившиеся, впрочем, не на холме, а за рекой, в огромных домах» [5, № 2, с. 13]. В городе «когда-то и впрямь выше всего ценилось умение вырезать сердце у повешенного и показать его несчастному, прежде чем глаза его закроются навсегда» [5, № 2, с. 13]. Палачи – это хозяева и создатели этого города (и всех земель вокруг).

Палачи как неотъемлемая часть исторических событий часто фигурируют в текстах Буйды. Впервые палач появляется в самой ранней публикации писателя – рассказе «Третий» (1991), где он казнит римского воина Флавия. В «Прусской невесте» изображен палач, который уходит в монастырь после повешения ребенка. В цикле «Жунгли» (2010) предки одной из героинь служили палачами. Иногда рассказчик сравнивает героя с палачом (Митенька, убивавший животных, в циклах «Врата Жунглей» (2011), «Львы и Лилии» (2013)). На свадьбе Норы Крамер в одноименной повести (2016) появляются «князья и графы – дети палачей НКВД, расстреливавшие князей и графов» [8]. Папа Пит (герой одноименного рассказа (2012)) был «наставником, судьей и палачом» [6]. Необычно именование Иуды Искариота «Предателем и Палачом» в рассказе «Тот-кто-мешает» (первая публикация в составе сборника «Сумма одиночества» (1998)). В романе «Домзак» (2004) Дзержинский назван палачом. В цикле «Все проплывающие» (2011) также упоминаются палачи. В цикле «Послание госпоже моей левой руке» (2014) есть рассказ «Палач и царь». В одном из рассказов цикла «Яд и мед» (2014) (в цикле часто фигурируют палачи) палач является важной частью дома, хозяин которого написал: «палач такая же тень Бога, как и царь, темная тень, а потому оба, царь и палач, находятся на границе человеческого мира, у самого края бездны, там, где сила общего закона нередко уступает праву личного чувства» [4, с. 80]. Буйда часто напоминает нам, что на палаческих землях «почти у каждого в семье найдутся и палачи, и жертвы: времена были такие» [7], отсылая нас к рассказам о заселении земель палачами.

Часто появляясь в текстах Буйды, палачи строят город лишь в романах «Город Палачей» и в «Синяя кровь». В «Городе Палачей» актанты (палачи) создали ведущий топос романа. Для нашего исследования важно, что в текстах Буйды нет изображения конкретного города, скорее это обобщенно-про-

странственная модель средневекового города. Город у Буйды меняется, описания расширяются, но приметы-знаки города всегда остаются (площадь, церковь, город-остров (почти наличие рва), стены вокруг города и т.д.).

Семантика смерти, ада, проклятого пространства присутствует в романе всегда. «Город Палачей» начинается с фрагмента из вымышленных записок 1878 г. Иеремии Джадда (явно вымышленная фигура, отсылка к такого рода запискам обеспечивает эффект документности) о России. В них описывается невероятное мастерство палачей и их город, который Джадд предлагает переименовать в Город Мясников. Рассказчик же сравнивает город с гравюрой «Брейгеля, который, похоже, нарочно запечатлел стройку в разгаре, а не довел ее до конца» [5, № 1, с. 42]. Упоминание средневекового фламандского художника Брейгеля, конечно, важно: это еще один эстетический / художественный код, кроме кода Иеронима Босха.

Роман «Город Палачей» имеет форму сборника рассказов, которые постепенно, с разных позиций повествуя о городе и его жителях, формируют у читателя образ города. Рассказ за рассказом создается картина страшного, пугающего городка без будущего. В первом рассказе местный библиотекарь повествует сироте о палачах-основателях и рекомендует бежать из города. В другом потомок Бохов рассказывает молодой девушке, гостье города, о прошлом основателя города, о его грехах. Из следующего рассказа мы узнаем, что после различных исторических событий (стройки великого пути в Индию, например), «город почти обезлюдел и выглядел заброшенным приютом для сумасшедших, стариков и сопливых детей» [5, № 1, с. 42]. В одном из последних рассказов вспоминают о давних временах, когда в городе жили «мужчины безо лба», когда Великий Бох очищал город от людей – тех, кого не успели убить, скормили свиньям [5, № 2, с. 58].

В большинстве текстов грехом становится убийство. В «Городе Палачей» Ян Босх убил своего отца, выпустил крыс-людоедов из подземелий, чтобы уничтожить родной город (это можно трактовать как «очищение» города), после он стал личным палачом Ивана Грозного, следовательно, убил бесчисленное количество людей. Но однажды Ян случайно получил пустынные земли около Москвы и начал возводить там город – созидать и создавать, словно бог-демиург. Ян Босх перенес свою греховную природу в эти земли и передал её своим потомкам.

После сотворения греха, согласно религиозным представлениям, следует акт «покаяния». «Человек освобождается от греха и в результате обретает как отдельные добродетели, так и добродетельную жизнь в целом, в Боге, без греха. Вне таинства покаяния человек отпадает от Бога и приобретает разнообразные пороки как результат жизни во грехе» [11, с. 118]. Однако герои «Города Палачей» не приходят к покаянию. Грех, на котором основан их город, стал для них данностью, легендой, которую они принимают. Более того, герои продолжают жить в городе, творить его историю, быть его частью. Все созданное Бохом «хранится в памяти потомков брабантского палача, в их крови и душе» [5, №2, с. 28].

Избавлением от греха может стать побег из города, который только планируется героями, но он неосуществим: герой или остается жить в городе, став его частью, или умирает. Стоит отметить, что за преступления персонажи романа получают традиционные наказания – сидят в тюрьме (даже один из основателей – Великих Бохов – сидел в тюрьме). Однако в романе нет покаяния, нет той русской религиозной традиции, о которой писал, в частности, В.С. Соловьев: «внутренний грех самообоготворения может быть искуплен только внутренним нравственным подвигом самоотречения» [18, с. 237].

История постройки города палачами почти дословно повторяется в романе «Синяя кровь» (это самый близкий к «Городу Палачей» по сюжету текст). Однако город в «Синей крови» Буйда называет Чудов. Связь Чудова с Городом Палачей прозрачна. Основателями его являются те же палачи, но их имена подвергаются некоторой русификации: «Коля рассказывал о братьях-палачах, которые в конце XVI века основали Чудов. В разных местах их фамилия произносилась то как Босх, то как Бош, а на Руси они были известны под именем Бох» [3, с. 64]. Авторское переименование города связано с изменением семантической наполненности топоса. В «Городе Палачей» множество легенд, описание жизни и быта горожан времен палачей занимает большую часть романа. Роман «Синяя кровь» пронизывает детективная интрига, наложенная на биографию актрисы. События в романе происходят в XX в., а предки-палачи – лишь краткое воспоминание и городская легенда. Так заложенный в одном романе мотив развивается в следующем.

Следуя схеме анализа мотива И. Силантьева, выделим тематико-смысловые комплексы, связанные с мотивом. Эти комплексы помогают точнее понять особенности функционирования мотива, описать семантическое поле мотива и его место в тексте (они могут рассматриваться как самостоятельные мотивы).

1. Смерть. Грех создателя города – убийство отца, уничтожение родного города – является сюжетообразующим элементом текста. Жители Города Палачей продолжают творить смерть, порой безнаказанно. «Никто не говорил этого вслух, но все знали, что капитана убили либо братья Столетовы, либо братья Лодзинские <...> Ясно было, что никто в Жунглях, да и в Городе Палачей, пожалуй, об этом не станет распространяться и на допросе в милиции» [5, № 3, с. 31]. Смерть присутствует в городе словно фон. Умирают (или их убивают) родители, дети, возлюбленные персонажей, упоминаются войны, массовые убийства жителей, казни. «Была бы смерть, а человек найдется» [5, № 3, с. 34] – сказал местный доктор.

2. Пожары – очень частотный мотив у Буйды, связанный с мотивом проклятого города. Семантику огня мы прослеживаем в романе «Город Палачей» в описаниях пожаров (их как минимум четыре). Один из правнуков основателя города становится поджигателем. На важных событиях города играет оркестр пожарников. В городе есть собственный крематорий. Пожары – часто повторяющийся мотив, занимающий центральное место в тексте (циклы «Прусская невеста», «Жунгли» (2010), «Львы и лилии», «Яд и мёд», романы «Пятое царство» (2018), «Сады Виверны»). Как правило, горит проклятое греховное место.

Хотя порой герои сжигают свое прошлое. Семантика огня, следовательно, и пожара, тесно связана с авторским пониманием истории. Она маркирует у Буйды попытку искупления грехов, очищение пространства от грехов. «Алина смотрела на огонь, уничтожавший дом Сергея Елизарова и тот несчастный сарай, в котором сидел привязанный к стулу мальчик <...> она должна была бы испытать облегчение при виде этого огня, пожирающего этот дом, этот сарай, ее мерзкое прошлое» [2, с. 93].

Огонь амбивалентен – он созидает, он разрушает. О пожаре (как мифологическом мотиве) «в котором мир гибнет и воскресает», писала О.М. Фрейденберг [23, с. 305]. Дж. Тресиддер так описывает символику огня: «божественная энергия, очищение, откровение, преобразование, возрождение, духовный порыв, искушение, честолюбие, вдохновение, сексуальная страсть» [20, с. 246]. У Буйды эта семантика, конечно, восходит к библейским легендам: Содом и Гоморра были испепелены небесным огнем за грехи их жителей (Быт. 14: 18-20).

3. «Близнецы». С тематикой братьев-грешников тесно связан и близнецный миф [15, с. 266]. Все Босхи (множество которых проживало и проживает в городе Палачей и около него) могут рассматриваться с точки зрения близнецного мифа. Они часто повторяют судьбы или привычки друг друга. Все они являются частями одного божества – Великого Боха, основавшего город. Отсюда и мотив двойничества, базирующийся на единстве противоположностей. Инвариантом постройки города во грехе мы назвали город Енох, который построил Каин. Здесь важны библейские истории о Каине и Авеле, а также легенды и сказания о Борисе и Глебе, которые преследуются за преступления как потомки Каина [16, с. 40].

4. Самозванство. Палач Ян Босх пришел на неведомые земли и начал строить город, установил «свои порядки», свои законы, нормы поведения и возвел свой город, стал богом, идолом для жителей. Условно можно назвать его самозванцем. Мотив самозванства повторится у Юрия Буйды в образах князя Осорьина (самозванца Холупьева) (роман «Борис и Глеб»), немцев, пришедших в калининградские земли в цикле «Прусская невеста», в ряде исторических персоналий (например, Пугачев, Годунов, Шуйский) в цикле «Власть всея Руси» (2005) и в романе «Пятое царство» и т. д.

Примечательно, что в 2010 г. в своём блоге Юрий Буйда опубликовал текст «Самозванец и самозванство». Автор пишет, что самозванство и всё, что с ним было связано, страна не преодолела, это явление «определило развитие русского общества и государства по меньшей мере на три столетия вперед» [9]. В нем Буйда видит дух свободы, нового времени, знак будущих изменений, но и греховность. Он приводит пример Григория Отрепьева, которого русский народ сам «позвал», сам породил «льстеца, дьявола», но признать это народ не хочет, поэтому «очуждает» Самозванца. Для Буйды (как и для многих писателей, например, для Пушкина, Гоголя, Шарова, Юзефовича) приход самозванцев на русские земли – часто повторяющееся событие. Буйда своими текстами словно пытается понять, отчего российское самозванство стало «хронической болезнью государства» [12].

Самозванцы – одна из основных исторических констант, характерных для русской культуры. Один из исследователей этого феномена, Б.А. Успенский, писал, что «самозванчество связано с сакрализацией царя» [22, с. 76], царь был образом Бога, иконой, самозванец же – лжеиконой, идолом [22, с. 148]. Еще один исследователь этого феномена писал о Пугачеве-самозванце, который пытался утвердиться в мире «человека греха, сына беззакония» [10, с. 180]. Самозванство, подытоживает он, было проявлением воли грешного человека, и стало «главной и определяющей силой бытия» [10, с. 181].

Таким образом, мотив греха, лежащего в основе города, в творчестве Юрия Буйды реализуется как мотив проклятого рода, греховной земли под властью самозванного царя. Этот мотив является смысло- и сюжетобразующим, а также, как оказалось, – циклообразующим элементом: мы показали, как этот сквозной мотив объединяет несколько произведений Юрия Буйды – романы «Город Палачей», «Синяя кровь», «Борис и Глеб».

Фантазмагорическая образность Буйды вдохновлена библейской символикой (Содом и Гоморра, Каин и Авель), но коррелирует и с реалиями российской истории (в частности, в романе «Борис и Глеб»), развиваясь в связи с мотивами самозванства или мотивом пожара. Последний образует семантику не христианского раскаяния, но возмездия и обреченности места во грехе. Однако связанные мотивы могут иметь и отличающуюся семантику – уже в других текстах Буйды. Наши наблюдения показывают, что произведения Буйды объединяются в сверхтекстовые циклы с автореминисценциями, сквозными мотивами, деталями². Природу текстовой организации этих циклов необходимо изучать, потому что Буйда демонстрирует нетривиальные для современной литературы жанрообразовательные процессы (цикл рассказов – роман – серия романов, не заявленная таковой), основанные на мифопоэтике³. Связи сборников рассказов и романов Буйды в цикл, объединенный общими мотивами, нуждаются в дальнейшем изучении, поскольку в теоретическом плане развивают представления о жанровых процессах, происходящих в современной прозе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буйда Ю. Борис и Глеб // Знамя. 1997. № 1. С. 8–49; № 2. С. 106–157.
2. Буйда Ю.В. Львы и Лилии. М.: Эксмо, 2013. 182 с.
3. Буйда Ю.В. Синяя кровь: [роман]. М.: Эксмо, 2011. 286 с.
4. Буйда Ю.В. Яд и мёд: [повести, рассказы]. М.: Эксмо, 2014. 281 с.
5. Буйда Ю. Город Палачей // Знамя. 2003. № 2. С. 11–75; № 3. С. 21–80.
6. Буйда Ю. Йолотистое мое йолото. Рассказы. URL: <https://magazines.gorky.media/october/2013/3/jolotistoe-moe-joloto.html>
7. Буйда Ю. Мерзавр. URL: <https://magazines.gorky.media/october/2012/6/merzavr.html>
8. Буйда Ю. Нора Крамер. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2016_2/Content/Publication6_6253/Default.aspx
9. Буйда Ю. Самозванец и самозванство. URL: <http://buida.ru/blog/samozvanec-i-samozvanstvo/>
10. Гулин А.В. «Тень Пугачевщины» в «Войне и мире» Л. Н. Толстого. Проблемы исторической поэтики. 2019. № 17. С. 173–192.
11. Жуковская Л.И., Сайгин В.В. Концептуальное поле «Грех» в контексте изучения языковой ментальности // Научный диалог. 2017. № 12. С. 113–125.
12. Ключевский В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. URL: <http://history.niv.ru/doc/klyuchevskij/istoricheskie-portrety/lzhedimitrij-i.htm>
13. Колмакова О.А. Христианский дискурс в романе Ю. Буйды «Вор, шпион и убийца» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 164–168.
14. Косякова В.А. Код Средневековья. Иероним Босх. М.: АСТ, 2019. 432 с.
15. Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 672 с.
16. Ромодановская Е. К. Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы: Эксперим. изд. Вып. 1 / Авт.-сост. Бальбуров, Э.А. и др. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. 241 с.
17. Силантьев И. Поэтика мотива. М.: Яз. Слав. Культуры, 2004. 295 с.
18. Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского. Соч. в двух томах. Т. 2. М: Мысль, 1988. 822 с.
19. Топоров В.Н. Заметки по реконструкции текстов. IV. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте // Исследования по структуре текста. М.: Наука, 1987. С. 121–132.
20. Тресиддер Дж. Словарь символов / Пер. с англ. С. Пальжо. М.: Фаир-Пресс, 1999. 443 с.
21. Уилсон Б. Metropolis. Город как величайшее достижение человечества: [книга-путешествие]. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66114852
22. Успенский Б.А. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: «Языки русской культуры», 1996. 605 с.

² Абашева М. П., Куриленко М. В. Поэтика циклизации в прозе Юрия Буйды // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология, 2020. 12 (2). С. 72–80.

³ Абашева М.П., Куриленко М.В. Природа мифа в творчестве Юрия Буйды // Филология и культура, № 3 (65), 2021, С. 38–45.

23. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра / подгот. текста и общ. ред. Н.В. Брагинской. М.: Лабиринт, 1997. 448 с.

Поступила в редакцию 24.01.2023

Абашева Марина Петровна, доктор филологических наук, профессор
ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»
614068, Россия, Пермь, Букирева, 15
ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»
614990, Россия, г. Пермь, ул. Сибирская, 24
E-mail: m.abasheva@gmail.com

Куриленко Мария Викторовна, аспирант кафедры русской литературы
ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»
614068, Россия, Пермь, Букирева, 15
E-mail: mashatext@yandex.ru

M.P. Abasheva, M.V. Kurilenko

THE MOTIF OF SIN IN THE PROSE OF YURIY BUYDA (THE NOVEL "CITY OF EXECUTIONERS")

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-4-889-895

The article deals with the motif of sin as a semantic element in the texts of contemporary prose writer Yuriy Buyda, which determines the nature of the topos and the creative world in his prose. The novel "City of Executioners" (2003), which most completely reveals the motif on the plot level, was chosen as a research material. According to the principles of motif analysis proposed by I. V. Silant'ev, the article considers motif's plot environment, actants, spatial and temporal elements, thematic and semantic complexes, as well as probable invariants of the motif. Connection with the concepts of death, fire, brothers-executioners and imposture is traced. The analysis leads to the conclusion that the motif of sin on the semantic and plot levels unites the novels "City of Executioners", "Blue Blood" (2011), "Boris and Gleb" (1997), that is, it becomes their cyclic basis. At the same time, the nature of the cyclization of Yuriy Buyda's texts is connected with mythopoetics.

Keywords: motif, sin, cyclization, modern Russian prose, Yuriy Buyda.

REFERENCES

1. Buida Y. Boris i Gleb [Boris and Gleb] // Znamia, 1997, no. 1, pp. 8–49; no. 2. pp. 106–157. (In Russian).
2. Buida Y. L'vy i lilii [Lions and lilies]. Eksmo, 2013, 182 p. (In Russian).
3. Buida Y. Siniiaia krov' [Blue blood]. Eksmo, 2011, 286 p. (In Russian).
4. Buida Y. Yad i myod [Poison and honey]. Eksmo, 2014, 281 p. (In Russian).
5. Buida Y. Gorod Palachei [City of Executioners] // Znamia, 2003, no. 2, pp. 11–75; no. 3. pp. 21–80. (In Russian).
6. Buida Y. Jolotistoe moe joloto [My Yolotoe yoloto]. URL: <https://magazines.gorky.media/october/2013/3/jolotistoe-moe-joloto.html> (In Russian).
7. Buida Y. Merzavr (In Russian). URL: <https://magazines.gorky.media/october/2012/6/merzavr.html>
8. Buida Y, Nora Kramer. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2016_2/Content/Publication6_6253/Default.aspx (In Russian).
9. Buida Y. Samozvanec i samozvanstvo [The impostor and imposture] // URL: <http://buida.ru/blog/samozvanec-i-samozvanstvo/> (In Russian).
10. Gulin A.V, «Ten' Pugachevshchiny» v «Vojne i mire» L.N. Tolstogo ["The Shadow of Pugachevism" in "War and Peace" by L.N. Tolstoy]. Problemy istoricheskoy poetiki [Problems of historical poetics], 2019, no. 17, pp. 173–192. (In Russian).
11. Zhukovskaya L.I, Sajgin V.V, Konceptual'noe pole «Grekh» v kontekste izucheniya yazykovoj mental'nosti [The conceptual field "Sin" in the context of the study of linguistic mentality] // Nauchnyj dialog [Scientific dialog], 2017, no. 12, pp. 113–125. (In Russian).
12. Klyuchevskij V.O, Istoricheskie portrety. Deyateli istoricheskoy mysli [Historical portraits. Figures of historical thought] // URL: <http://history.niv.ru/doc/klyuchevskij/istoricheskie-portrety/lzhedimitrij-i.htm> (In Russian).
13. Kolmakova O.A, Khristianskii diskurs v romane Iu. Buidy «Vor, shpion i ubiitsa» [Christian discourse in the novel by Yu. Buida "Thief, Spy and Murderer"] // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kemerovo State University], 2017, no. 1, pp. 164–168. (In Russian)

14. Kosyakova V.A, Kod Srednevekov'ya. Ieronim Boskh [The Code of the Middle Ages. Hieronymus Bosch]. AST, 2019, 432 p. (In Russian).
15. Mifologicheskij slovar' [Mythological dictionary]. Sov. enciklopediya [Soviet Encyclopedia], 1990. 672 p. (In Russian).
16. Romodanovskaya E.K, Slovar'-ukazatel' syuzhetov i motivov russkoj literatury: Eksperim. izd.: Vyp.1 [Dictionary-index of plots and motives of Russian literature: Experimental ed.: Issue 1]. Izd-vo SO RAN [SB RAS], 2003. 241 p. (In Russian).
17. Silant'ev I, Poetika motiva [Poetics of motive]. Yaz. Slav. Kul'tury [Languages of Slavic culture], 2004. 295 p. (In Russian).
18. Solov'ev V.S, Tri rechi v pamyat' Dostoevskogo. Soch. v dvuh tomah [Three speeches in memory of Dostoevsky. Op. in two volumes]. Mysl' [Think], 1988, Vol. 2, 822 p. (In Russian).
19. Toporov V.N, Zametki po rekonstrukcii tekstov. IV. Tekst goroda-devy i goroda-bludnicy v mifologicheskom aspekte // Studies on the structure of the text [// Issledovaniya po strukture teksta]. Nauka, 1987, pp. 121–132. (In Russian).
20. Tresidder Dzh. Slovar' simbolov [Dictionary of Symbols]. Fair-Press, 1999, 443 p. (In Russian).
21. Uilson B. Metropolis. Gorod kak velichajshee dostizhenie chelovechestva [Metropolis. The city as the greatest achievement of mankind]. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66114852 (In Russian).
22. Uspenskij B.A, Car' i samozvanec: samozvanchestvo v Rossii kak kul'turno-istoricheskij fenomen // Izbrannye trudy. T. 1. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury [The Tsar and the impostor: imposture in Russia as a cultural and historical phenomenon // Uspensky B.A. Selected works. Vol. 1. Semiotics of History. Semiotics of culture]. Yazyki russkoj kul'tury [Languages of Russian culture], 1996, 605,[2] p. (In Russian).
23. Freydenberg O.M, Poetika syuzheta i zhanra [Poetics of the plot and genre]. Labirint, 1997, 448 p. (In Russian).

Received 24.01.2023

Abasheva M.P., Doctor of Philology, Professor
Perm State University
Bukireva st., 15, Perm, Russia, 614068
Perm State Humanitarian-Pedagogical University
Sibirskaya st., 24, Perm, Russia, 614990
E-mail: m.abasheva@gmail.com

Kurilenko M.V., postgraduate student in the Department of Russian Literature
Perm State University
Bukireva st., 15, Perm, Russia, 614068
E-mail: mashatext@yandex.ru